

«Другая» частная собственность: приватизация по-русски

© Е.В. Устюжанина, 2001

Статья посвящена исследованию процесса трансформации отношений собственности, происходящего в нашей стране на протяжении последних 15 лет. На основе анализа изменения законодательства и складывающейся практики применения права обсуждаются особенности института собственности, существующего в России в настоящее время. Особое внимание уделяется вопросу взаимоотношений власти и новых собственников.

Существует чуть ли не обязательная точка зрения, что центральным звеном экономических реформ 80–90-х годов XX в. в России была массовая приватизация государственного имущества. На подсознательном уровне приватизация отождествляется со становлением института частной собственности – формированием новой системы отношений между экономическими агентами по поводу присвоения условий и результатов их деятельности, основанной на отделении собственника от несобственника.

Не отрицая значительного влияния кампании приватизации на формирование в России института собственности, хотелось бы подчеркнуть, что российская приватизация имеет такое же отношение к переходу от общественной собственности к частной, как первобытное присвоение условий труда к отношениям собственности, регулируемым римским правом. И

объясняется это как минимум тремя обстоятельствами.

Во-первых, названия (частная, общественная, государственная и прочая собственность) весьма слабо отражают те реальные отношения между экономическими агентами по поводу производства, распределения, обмена и потребления, которые как раз и являются содержанием соответствующих общественных институтов. Поэтому одинаково неправомерно говорить и об общественной собственности на средства производства при советской власти, и о частной собственности в эпоху правления младореформаторов.

Во-вторых, процесс трансформации существовавшего в России института собственности начался задолго до кампании массовой приватизации, и ее влияние на этот процесс носило не столько прямой, сколько опосредованный характер.

И наконец, *в-третьих* – процесс становления нового института собственности не только не завершился, но и не вошел пока в стадию устойчивой динамики. И это главное. Именно неопределенность, неустойчивость динамики, несанкционированность со стороны общества сложившейся системы отношений и являются одними из основных негативных последствий экономических реформ предыдущего периода.

До приватизации: общественная, общенародная, государственная

Большинство дискуссий по поводу кампании приватизации вращаются вокруг триады: государственная, коллективная и частная собственность. Но в противопоставление частной, коллективной и государственной собственности не укладываются:

- монополия определенного класса на основное средство производства – *сословная собственность*;
- совместное владение с разделенными полномочиями, свойственное древневосточным государствам, – *иерархическая собственность*;
- отделение титула собственности от правомочий собственности – *корпоративная собственность*;
- исключение средств производства из гражданского оборота – *бюрократическая собственность*.

Для того чтобы разобраться с тем, что именно происходило с отношениями собственности в России за последние 15 лет, необходимо прежде всего понять, что представлял собой институт собственности при советской власти.

Что представлялось. Теоретики коммунизма считали, что в его основе должна лежать общественная собственность на средства производства. Однако общественная собственность не являлась для них синонимом коллективной. Коллективность владения, свойственная «добуржуазным» формам частной собственности – сословной, корпоративной, общинной, рассматривалась ими как промежуточный этап развития, при котором частное присвоение нуждается в коллективной защите.

Под общественной собственностью идеологи марксизма понимали уничтожение собственности как общественного института, трансформацию собственности из отношений между субъектами в отношении к объектам присвоения – природе и овеществленному труду как «естественным» предпосылкам труда (Маркс, Энгельс, 1976). Возможность соответствующего развития событий они связывали с казавшейся в то время очевидной тенденцией обобществления процесса производства. Это обобществление должно было, по мнению Маркса, достигнуть такой стадии, когда частное присвоение становится тормозом развития производительных сил. Коммунистическая революция представлялась способом разрешения данного противоречия в общемировом масштабе.

Так мечталось.

Как планировалось. Советская политэкономия, формально возведя учение Маркса в разряд абсолютной истины, трактовала общественную собственность как коллективную собственность всех граждан государства. Преимуществом коллективного владения являлось, по мнению сторонников данной мифологемы, от-

существование эксплуатации производителя собственником (Политическая экономия, 1974). (То, что эксплуатация возможна не только на основе частной собственности, как-то забывалось.) Соответственно частная собственность на средства производства и природные ресурсы запрещалась. Последние находились в совладении всех членов общества и управлялись «от их имени и в их интересах общенародным государством».

Удивительно, но данное видение ситуации было характерно и для так называемых младореформаторов. Дискуссии велись в основном вокруг оценки эффективности государственного управления собственностью. Академики-реформаторы считали, что надо совершенствовать методы управления, а их радикально настроенные младшие товарищи полагали, что последнее в принципе невозможно. Они выдвигали тезис о ничейном, бесхозном характере государственной собственности, об отсутствии экономических стимулов развития и т.д. и т.п. Но для того чтобы преодолеть данный «порок», предлагалось всего-навсего сменить номинального владельца – «раздать» общенародную или государственную собственность отдельным членам общества. Что представлял собой институт советской государственной собственности, не интересовало, вообще говоря, ни тех ни других.

Что было. История знает несколько различных общественных институтов с общим названием «государственная собственность». Согласно западноевропейской традиции, государственная собственность представляет собой вид частной собственности. Государство является одним из субъек-

тов собственности наряду с физическими и юридическими лицами. Различные правомочия собственности реализуют от имени государства его представители, чьи права, обязанности и ответственность определены законом. Азиатская традиция трактует государственную собственность как монополию на распоряжение определенными видами ресурсов, особый вид сращивания политической и экономической власти – бюрократическую собственность.

Западноевропейская модель рассматривает отношения по поводу собственности как противостояние собственника и не-собственника. Древневосточные государственные структуры дают нам образец иерархической собственности – верховной, наместнической и общинной одновременно. В Европе отношения по поводу собственности характеризуются разделением правомочий: один владеет, другой распоряжается, третий пользуется, четвертый имеет право на доход (ренту) и т.д. В традиционных азиатских культурах это распределение полномочий – возможность воздействовать на процессы производства, распределения, обмена и потребления. Причем круг полномочий любого представителя собственника является результатом сложившегося баланса сил и административного торга.

Если анализировать ситуацию не через призму устоявшихся догм, становится очевидно, что в СССР существовала классическая форма бюрократической собственности, базирующаяся на государственной монополии на средства производства. Ее характерными чертами были:

- государственная монополия на средства производства и природные ресурсы;

- концентрация власти в руках определенной общественной группы, включающей представителей хозяйственных, партийных, исполнительных и правоохранительных органов, объединенных участием в распоряжении ресурсами и возможностями внеэкономического принуждения;

- отношения зависимости между субъектами, среди которых распределяются полномочия собственности;

- однонаправленная ответственность – снизу вверх;

- законодательная возможность передела объектов собственности между субъектами хозяйствования.

Однако было бы неправильно отождествлять институт собственности, сложившийся в СССР, с иерархическим институтом собственности, свойственным азиатскому способу производства. Принципиальное отличие советского бюрократического института собственности от института иерархической собственности, признающего право собственности хозяйствующего субъекта на плоды и доходы от использования закрепленного за ним имущества¹, заключается в лишении производителей права распоряжаться как закрепленными за ними условиями труда, так и результатами их деятельности. Хозяйствующие субъекты производят продукцию для государства и продают ее по устанавливаемым государством ценам либо самому государству в лице органов государственного управления, либо указанным им потребителям. Расходование средств, получаемых хозяйствующими субъектами, осуществляется на основании

фондированного распределения и нормирования статей расходов.

Предпосылки разрушения

Объективной основой постепенного разрушения сложившегося при советской власти института бюрократической собственности являлась его неконкурентоспособность. Бюрократическая собственность достаточно эффективна в традиционных обществах, основанных на простом воспроизводстве, и в условиях мобилизационной экономики, ориентированной на решение политических задач. Но лишенная такого адаптера, как согласование предпринимательского интереса с интересом собственника, она проигрывает частной собственности в возможности быстро реагировать на изменяющиеся условия. В конце 50-х – начале 60-х годов, когда темпы технологического прогресса стали определять общественно-экономическое развитие страны, наиболее передовые ученые-экономисты пришли к осознанию необходимости перемен.

Появилось желание объединить «в одном флаконе» плановую экономику и хозяйскую мотивацию, «скрестить» капиталистические стимулы к труду с централизованным распределением ресурсов и продуктов. При этом реформаторам и в голову не приходило покушаться на такую святыню, как государственная собственность на средства производства. Изменять предлагалось лишь способ управления этой собственностью – хозяйственный механизм.

¹ Изъятие части дохода в форме дани, подати, оброка, налогов и т.п. не противоречит праву собственности производителя на продукт его деятельности.

Не будем останавливаться на том, почему и как была свернута реформа 60-х. Предметом настоящей статьи является анализ исключительно отношений собственности. Поэтому начнем с реального изменения института собственности – событий середины 80-х годов.

Скрещивание двух различных моделей началось с попытки привнести в структуру бюрократической собственности противоречащие ее сути элементы – разделение обязанностей, делегирование полномочий, взаимную ответственность и т.п. Бюрократическая собственность опирается на отсутствие свободы экономической деятельности и неравенство экономических агентов. Аппарат распределяет практически все: ресурсы, продукты, права и обязанности субъектов экономической деятельности. Внедрение в эту систему чужеродной конструкции баланса прав и ответственности, попытка совместить фондируемое распределение ресурсов со свободным товарообменом неизбежно должны были привести к дисбалансу сил и потере контроля над происходящими в экономике процессами. Это и произошло.

Закон о государственном предприятии (объединении). Первая существенная брешь в институте бюрократической собственности была пробита Законом СССР «О государственном предприятии (объединении)» от 30 июня 1987 г.

Согласно Закону, предприятие практически впервые реально превращалось из объекта управления в субъект права. Оно получало право распоряжения своим хозяйственным доходом (прибылью), право «владения, пользования и распоряжения» закрепленным за ним имуществом и право

выбора руководителя. И хотя все эти «права» вводились с достаточно сильными оговорками: хозяйственный доход подлежал нормированному распределению по фондам, выбранный трудовым коллективом директор должен был утверждаться вышестоящим органом, а право владения, пользования и распоряжения не было подкреплено ограничениями на действия третьих лиц (отчуждению не подлежали лишь оборотные средства предприятия), это был безусловный подрыв устоев бюрократической собственности – наделение экономических агентов пусть чрезвычайно усеченными, но правами.

Новые хозяйственные структуры. Наряду с расширением прав государственных предприятий либерализация экономики шла и в направлении формирования новых хозяйственных структур. Закон СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности» от 19 ноября 1986 г. по сути разрешал предпринимательскую деятельность, основанную на личном труде самого гражданина и членов его семьи. Однако были установлены и существенные ограничения: запрет использовать наемный труд (реально наемный труд, конечно, использовался, но в теневых формах); перечень видов деятельности, заниматься которыми индивидуалам было запрещено; ограничение снабжения и сбыта рамками розничной торговли.

Следующий шаг в направлении формирования новых хозяйственных структур был сделан постановлением Совета Министров СССР от 13 января 1987 г. «О порядке создания на территории СССР и деятельности совместных предприятий с участием советских органов и фирм капиталистиче-

ских и развивающихся стран». Совместные предприятия, создаваемые госпредприятиями совместно с иностранными партнерами, имели право самостоятельно реализовывать свою продукцию. Это было достаточно сильное испытание для экономики фондированного распределения. Однако формально отношения собственности затронуты не были. По отношению к своему имуществу СП осуществляли те же «права владения, пользования и распоряжения», что и госпредприятия.

Закон «О кооперации в СССР». Еще одной вехой на пути ослабления бюрократической собственности было принятие Закона «О кооперации в СССР» от 26 мая 1988 г.

Закон вводил в хозяйственную жизнь две новые возможности:

- «отмывания» старых и формирования новых капиталов (подавляющая часть «коллективного владения» являлась прикрытием частной собственности);
- перекачки безналичных средств государственных предприятий в наличные посредством оплаты ими работ и услуг, предоставляемых кооперативами.

Несмотря на то что формально хозяйственные структуры, называвшиеся кооперативами (колхозы, потребительские общества и т.п.), существовали и раньше, впервые были узаконены принципиально новые формы обособления имущества. Государственное поощрение формирования кооперативных предприятий, подкрепленное снятием жестких ограничений на расходование средств госпредприятий, впервые создавало возможность относительно свободного товарообмена. Разрушался барьер между наличным и безналичным оборотом. Проходя через кооперативы, безналичные

деньги госпредприятий стали превращаться в наличные деньги.

Еще одним механизмом перераспределения средств госпредприятий были создаваемые при райкомах комсомола центры научно-технического творчества молодежи (НТТМ). Поток обналиченных денег хлынул на чрезвычайно узкий рынок предметов потребления.

Начало передела

Относительно свободный товарообмен, постепенно вводимый новыми нормативными актами и всевозможными экономическими экспериментами, объективно стал расширять узкие рамки, в которые его планировали загнать умеренные реформаторы социализма. Первым направлением атаки стала битва за распоряжение «хозрасчетным» доходом.

Аренда. Закон «О государственном предприятии (объединении)» ввел две модели хозрасчета – нормированного распоряжения оборотными средствами предприятия. Однако наиболее активным директорам хотелось большего. Так появилась «третья модель хозрасчета» – арендный подряд.

Автором идеи был д.э.н. В. Рутгайзер, успешно внедривший в течение 1988–1989 гг. свое изобретение в режиме экономического эксперимента. Арендный подряд по сравнению с первой и второй моделями хозрасчета имел два основных отличия: договорный характер отношений с вышестоящим органом и расширение полномочий руководства предприятия по управлению денежными средствами. Это означало фак-

тическое снятие нормативных ограничений на формирование фонда оплаты труда.

Следующим шагом стало законодательное оформление сложившейся практики. Авторский коллектив Закона во главе с академиком П. Буничем пошел дальше простой модели хозрасчета. Закон «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик “Об аренде”» от 23 ноября 1989 г. трактовал аренду уже как способ формирования альтернативной модели собственности.

Продукция и доходы, получаемые арендным предприятием, становились его собственностью. Материальные ценности, приобретаемые на заработанные средства, также являлись собственностью арендатора. Но самыми важными по сравнению с арендным подрядом были два новых момента:

право выкупа арендованного имущества и

долевая собственность членов трудового коллектива.

Началась реальная приватизация² средств производства.

Приватизация посредством участия.

Несмотря на достаточно широкое распространение, аренда как узаконенный способ приватизации имела существенный недостаток. Уходя из-под контроля государства, руководитель попадал в формальную зависимость от трудового коллектива. Конечно, на практике реальным хозяином предприя-

тия являлся директор. Но юридически всевластие директора ограничивалось возможностью его переизбрания. Наиболее предприимчивые руководители стали искать иные пути.

Возможность для этого была предоставлена постановлением СМ СССР от 19 июня 1990 г. № 590, утвердившим Положение «Об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью». Согласно Положению, вкладом участника общества в его уставный фонд могли быть как материальные ценности и права пользования ими, так и иные имущественные права, в том числе на интеллектуальную собственность. При этом стоимость вносимого имущества определялась совместным решением участников общества. (Такую же норму содержало и Положение об акционерных обществах, утвержденное постановлением Совета Министров РСФСР от 25 декабря 1990 г. №601).

Формально постановление вводило новые организационно-правовые формы предприятий – АО и ООО. Реально же создавало возможность присвоения государственного имущества через внесение его в уставный фонд таких обществ. Директор государственного предприятия вносил в АО часть имущества подконтрольного предприятия. Другими участниками АО становились доверенные лица директора. Они вносили в уставный фонд интеллектуальную собственность, права пользования и другие нематери-

² Действующее законодательство определяет приватизацию как возмездное отчуждение находящегося в собственности Российской Федерации, субъектов Российской Федерации или муниципальных образований имущества (объектов приватизации) в собственность физических и юридических лиц. Однако в более широком смысле приватизация представляет собой переход объектов государственной собственности в частную. Именно в этом смысле данный термин употребляется в настоящей статье.

альные «ценности». При этом стоимость вкладов «оценивалась» по соглашению сторон таким образом, что доля государственного предприятия оказывалась существенно меньше доли остальных участников. Данная схема, абсолютно жульническая по существу, не нарушала ни одного закона и позволяла за бесценок приватизировать пароходы, самолеты и другие, не менее ценные объекты государственной собственности.

Приватизация доходов. Между тем изменение законодательства продолжало двигаться в том же направлении, суть которого можно охарактеризовать словами: «свободу директорам государственных предприятий». Так, принятые 3 августа 1989 г. «Изменения и дополнения к Закону о госпредприятии» отменяли нормативы распределения доходов предприятий, предоставляли им возможность выхода из подчинения отраслевым и территориальным органам управления, снимали требование об утверждении руководителей предприятий вышестоящими органами.

Все большая и большая либерализация хозяйственной деятельности госпредприятий объективно вела к разрушению сложившегося в экономике механизма ответственности. Директора предприятий, достаточно успешно манипулируя решениями трудовых коллективов, постепенно превращались в бесконтрольных распорядителей государственного имущества (см. например, (Клейнер, 1996)).

В этих условиях широкое распространение приобрела еще одна форма приватизации – присвоение доходов государственного предприятия. Руководитель государственного предприятия сдавал в аренду (вносил в уставный фонд нового АО) имущество

структурного подразделения предприятия. Затем подразделение резко поднимало цены на продукцию (работы, услуги), поставляемую материнскому предприятию, и прибыль начинала стремиться к нулю. Самым распространенным вариантом подобной конструкции было образование различных сбытовых (торговых) фирм, покупавших в кредит продукцию госпредприятия по ценам, максимально приближенным к себестоимости. В итоге такого своеобразного совмещения преимуществ двух видов собственности – бесконтрольного распоряжения государственным имуществом и присвоения продукции (доходов) частного предприятия – сложилась уникальная возможность частного присвоения доходов от использования государственного имущества.

Так что же такое стихийная приватизация и нужно ли с ней бороться?

Реальная приватизация государственного имущества началась за несколько лет до ее официального провозглашения. И шла она снизу. Наиболее активные руководители предприятий и министерств, партийные и комсомольские функционеры, новые кооператоры (старые начальники цехов) потихоньку перераспределяли в свою пользу бывшее государственное имущество.

Процесс развивался в двух направлениях:

- 1) формирование частной собственности как основы самостоятельного ведения бизнеса;
- 2) присвоение доходов государственных предприятий через интеграцию государственного и частного бизнеса.

По первому направлению для приватизации государственного имущества использовались и аренда, и выкуп, и внесение имущества в уставный фонд (капитал). Независимо от того, насколько законно отчуждалось бывшее государственное имущество, в основе данного направления лежало обособление (создание) самостоятельного бизнеса, т. е. перераспределение возможностей и рисков от государства к новым собственникам.

Второе направление развивалось в различных формах: окружение предприятия спутниковыми фирмами, создание на базе бывших министерств «объединений предприятий», монополизация сбыта или внешнеторговой деятельности и т.д. Во всех случаях оно базировалось на сращивании бизнеса «приватизаторов» с «бизнесом» государственных предприятий, присвоении доходов от использования государственного имущества при перекалывании всех рисков на собственника – государство.

Сторонники стихийной приватизации, как правило, ведут речь о первом направлении, противники обсуждают негативные последствия второго. В известной книге (Приватизация по-российски..., 1999) под редакцией А. Чубайса стихийная приватизация оценивается как несправедливая и ущемляющая интересы государства. Это явно политизированное утверждение, призванное доказать необходимость бюрократического регулирования процесса передела собственности. Возразить на это можно только одно: как раз второе из описанных направлений было затронуто официальной приватизацией в наименьшей мере – процесс распорядительного присвоения продолжается и поныне.

Трансформация отношений собственности

Одновременно со стихийной приватизацией государственного имущества происходило изменение юридических норм, касающихся вопросов собственности на средства производства. Законом СССР «О собственности в СССР» от 6 марта 1990 г. и поправками к Конституции СССР от 14 марта 1990 г. было признано право собственности граждан и коллективных предприятий на средства производства, ценные бумаги и пр. Правда, понятие частной собственности все еще камуфлировалось под собственность советских граждан, но зато было узаконено право собственника заключать договоры с гражданами об использовании их труда при осуществлении принадлежащего ему права собственности.

Если 1987–1989 гг. можно охарактеризовать как время постепенного ослабления контрольно-распорядительных функций государства и усиления формальных полномочий трудовых коллективов (реально – власти директоров), то законодательные изменения 1990 г. были направлены в первую очередь на защиту интересов собственников.

Соревнование законодателей. Говоря о тенденциях в законодательстве 1990 г., необходимо различать нормы, вводимые союзными законами, и российские законодательные нововведения. Союзные Законы «О собственности в СССР» и «О предприятиях в СССР» (приняты 6 марта и 4 июня 1990 г.) расширяли права собственника предприятия (назначение руководителя), но сохраняли и достаточно большие полномочия трудовых коллективов: право равного с

собственником представительства в совете предприятия, право на часть прибыли госпредприятия, право использовать полученные доходы для выкупа государственного имущества.

Российские законы «О собственности в РСФСР» и «О предприятиях и предпринимательской деятельности» (принятые 24 и 25 декабря 1990 г.) имели ярко выраженную частнособственническую направленность. Кроме чисто формальных нововведений были юридически узаконены понятия «частная собственность» и «приватизация государственного и муниципального имущества», они содержали ряд положений, существенно урезающих права трудовых коллективов как в управлении предприятиями, так и в распоряжении их доходами. Несмотря на странную норму – «имущество государственного предприятия может передаваться в хозяйственное ведение предприятию в лице трудового коллектива», – права трудового коллектива по управлению предприятием были определены в весьма туманной формулировке: «об участии совместно с учредителем в осуществлении отдельных полномочий».

Концерномания. Стремительная потеря властных полномочий министерствами и ведомствами породила встречное движение со стороны наиболее продвинутых руководителей соответствующих структур. Функции и полномочия вышестоящих органов управления стали передаваться «объединениям предприятий», возглавляемым бывшими министрами или их первыми замами. Юридическим основанием для этого явля-

лись «Изменения и дополнения к Закону СССР о государственном предприятии (объединении)» от 3 августа 1989 г.

В том же августе 1989 г. был создан Государственный газовый концерн, наделенный правом оперативного управления газоснабжением и весьма широкими полномочиями по регулированию деятельности входящих в него предприятий. Предприятия Газпрома одновременно вышли из подчинения Министерства нефтегазовой промышленности.

В октябре 1990 г. создан киноконцерн «Мосфильм»; в ноябре 1991 г. – «Роснефть»; в декабре 1992 г. – «Росуголь».

Согласно постановлению Верховного Совета (ВС) РСФСР, только к 11 октября 1991 г. в Российской Федерации было создано более 30 концернов, ассоциаций и других крупных объединений предприятий, наделенных властными полномочиями по управлению государственным имуществом, учреждению, реорганизации и ликвидации госпредприятий, назначению их руководителей и т.д.³

Официальная приватизация

Нормативные акты 1987–1990 гг. узаконили частную собственность на средства производства, предпринимательскую деятельность, использование наемного труда, приватизацию государственного имущества и т.п. Но они содержали только разрешительные нормы. Никто никого ни к чему не принуждал. Собственниками и предпринима-

³ Всего на 1 января 1991 г. в стране действовали 126 концернов.

телями граждане могли становиться лишь добровольно. Наиболее инициативная часть общества, обладающая доступом к необходимым ресурсам, информации и каналам влияния, начала активно использовать появившиеся возможности. Однако бюрократия (как общественный институт, в отличие от своих отдельных наиболее предприимчивых представителей) стала явно отставать от развития событий, терять «определяющую и направляющую роль». И тут в полном соответствии с законами жанра произошел бюрократический переворот: смена одной политической элиты на другую, «более прогрессивную». Младореформаторы сразу же попытались возгласить процесс передела собственности.

Благие намерения. Теоретически приватизация задумывалась как продажа принадлежащих государству предприятий частным собственникам. В качестве примера для подражания исследовался опыт английских консерваторов, осуществивших под руководством М. Тэтчер приватизацию нескольких неэффективно функционирующих государственных компаний. Но приватизация по-европейски требовала, с одной стороны, огромных сил и средств на предпродажную подготовку предприятий, а с другой – наличия потенциального спроса – экономических агентов, готовых взвалить на себя ответственность за развитие бизнеса приобретаемых компаний. Кроме того, имелся еще один довольно скользкий момент – происхождение денег, на которые могли выкупаться бывшие государственные предприятия. Если в Великобритании и Восточной Германии покупателями почти всегда выступали уважаемые частные компании, то богатство новых русских имело,

как правило, весьма сомнительное происхождение.

По-видимому, младореформаторы полагали, что лучшим способом решения проблем является их игнорирование. Зачем проводить предпродажную подготовку предприятий? Придет новый «эффективный» собственник и сам все перестроит. Зачем искать подготовленный менеджмент? «Эффективный» собственник потому и эффективный, что является по совместительству «эффективным» менеджером. А вот с деньгами действительно нехорошо получилось. И проблема не в их отсутствии. Благодаря либерализации экономической жизни и размыванию границ между личным и безличным оборотом на руках у населения скопилась огромная денежная масса, не находящая применения на рынках средств производства и предметов потребления с искусственно заниженными ценами. Но ведь это чужие деньги. А сколько денег у спекулянтов и кооператоров? А Закавказье и Средняя Азия, наводненные советскими дензнаками? Поэтому строительство рыночной экономики реформаторы решили начать с обесценения денег. А тот естественный рынок, который мог эти деньги поглотить и превратить в реальное платежное средство, заполнить ваучерами. Благо одновременно можно было внедрять в массовое сознание версию «раздела совместно нажитого имущества».

В погоне за временем. Самостоятельного анализа заслуживает процесс запуска массовой приватизации.

Верховный Совет РСФСР 3 июля 1991 г. принимает Закон РСФСР «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР», имевший исключи-

тельно декларативный характер. Все процедурные вопросы отнесены законом на Государственную программу приватизации, утверждаемую ВС РСФСР.

В ноябре 1991 г. ВС РСФСР отклоняет подготовленную Госкомимуществом Государственную программу приватизации.

Президент 29 декабря 1991 г. подписывает Указ № 341 «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий», которым утверждаются Основные положения Государственной программы приватизации на 1992 г. Политически это была попытка «запустить» программу без утверждения ВС, а практически предложенный суррогат программы устанавливал только самые общие контуры классификации объектов и предприятий с точки зрения возможности их приватизации.

29 января 1992 г. издается еще один Указ Президента (№ 66) с тем же названием, что и предыдущий, но гораздо более содержательный. Указ утверждает 7 приложений, регламентирующих процедуры приватизации, от подачи заявки до порядка использования фондов экономического стимулирования предприятий.

11 июня 1992 г. ВС РФ вводит в действие Государственную программу приватизации и прекращает действие Основных положений программы приватизации.

Реально маховик приватизации запускается 1 июля 1992 г. Выходит Указ Президента № 721 «Об организационных мерах по преобразованию государственных предприятий, добровольных объединений государственных предприятий в акционерные общества», согласно которому обязательному преобразованию в акционерные об-

щества открытого типа подлежат все предприятия со средней численностью работающих более 1 тыс. человек (балансовой стоимостью основных фондов более 50 млн руб.). Указ существенно упрощает процедуру акционирования, в частности методику оценки стоимости объектов приватизации. Преобразование предприятий в акционерные общества должно, согласно Указу, завершиться к 1 ноября 1992 г.

Естественно, что в четыре назначенные Указом месяца никто не уложился. Однако значительное число директоров предприятий, напуганное жестким прессингом сверху и угрозой перехвата инициативы, заявки на приватизацию подготовило и направило если не к 1 ноября 1992 г., то к 1 января 1993 г. Комитеты, конечно, не выдержали установленный для них семидневный срок рассмотрения и утверждения заявок. Но худо-бедно через два года после выхода Указа официальная перерегистрация подавших заявки предприятий в акционерные общества была в основном завершена. По официальным данным, к 1 июля 1994 г. таким образом было «приватизировано» более 50% всех российских предприятий.

Особые условия. Регулирование процесса приватизации указами имело одно очень важное следствие – возможность предоставления особых условий приватизации отдельным наиболее «любимым» отраслям, компаниям и покупателям. Делалось это с помощью издания специальных указов об особенностях приватизации и акционирования в отдельных отраслях (на отдельных предприятиях). В результате только за период с августа по декабрь 1992 г. было выпущено 10 указов Президента, регламентирующих особенности акциониро-

вания предприятий топливно-энергетического и агропромышленного комплекса, электроэнергетической промышленности, железнодорожного транспорта, угольной промышленности, газового хозяйства, самого Газпрома и «Алмазы России – Саха». Кроме того, было образовано несколько нефтяных суперхолдингов: государственное предприятие «Роснефть», и акционерные компании «ЛУКОЙЛ», «Юкос», «Сургутнефтегаз».

Ваучеризация всей страны. Помимо преобразования государственных предприятий в акционерные общества у приватизации была и другая, не менее важная составляющая – раздача всему населению платежных средств для приобретения акций новорожденных АО. Для запуска и обеспечения работы этой системы понадобилось 2 закона, 2 постановления ВС РФ, 12 указов Президента и 2 постановления Правительства.

Предварительные итоги

При всех несомненных организаторских талантах А. Чубайса он смог провести кампанию массовой приватизации только потому, что наиболее предприимчивая часть общества была готова к участию в разделе собственности и активно в него включилась. Другое дело – как именно была организована данная кампания и к каким результатам она привела.

На смену дикому, но основанному на предпринимательской инициативе присвоению государственного имущества пришлось централизованное перераспределение этого имущества под извечно популярным

в России лозунгом «Все поделить!» Передел характеризовался следующими особенностями.

Ускоренный характер. Отсутствие предпродажной подготовки приватизируемых предприятий привело к тому, что акционерные общества получили в наследство от госпредприятий абсолютно бесполезное с предпринимательской точки зрения имущество, обременяющее их хозяйственную деятельность дополнительными расходами на содержание. Другой стороной этого же явления был принцип приватизации существующих юридических лиц. Большое число единых производственных комплексов (КБ и серийные заводы, леспромхозы и ЦБК и т.п.) оказались разбиты на отдельные акционерные общества. В итоге множество приватизированных предприятий представляли собой нежизнеспособные бизнес-структуры.

Искусственное внедрение акционерной формы собственности. Объектом распределения являлось не имущество, а титулы собственности – акции. В результате большинство населения, психологически не готовое к принятию на себя соответствующих возможностей и рисков, получило в собственность нечто абсолютно для него непонятное и столь же эфемерное, как сама «общенародная собственность».

Заигрывание с трудовыми коллективами. Всевозможные льготы работникам приватизируемых предприятий имели два основных следствия: 1) усилия директорского корпуса в течение нескольких последующих лет были направлены главным образом на консолидацию акций, доставшихся работникам предприятия; 2) ожидания работников были обмануты. Нововведения кор-

поративного законодательства лишили их всех прав, предоставляемых ранее трудовому коллективу, а права, предоставляемые каждому из них как владельцу нескольких акций, оказались по сути ничтожными.

Институциональная неподготовленность. Не существовало и практически не существует до настоящего времени действенных механизмов реализации прав и защиты интересов собственников. Проблема заключается не только в несовершенстве законодательства, слабой судебной системе и т.п. Большая часть населения, разоренная под лозунгом справедливого перераспределения общественного богатства, психологически не готова к восприятию частной собственности как абсолютной ценности. Исторически сложившееся отношение к собственности как к краже в течение последнего десятилетия только укреплялось.

Ангажированность. «Указный» характер регулирования приватизации позволил избежать принципа равенства всех участников процесса. Одни указы вводили одинаковые для всех процедуры и ограничения, а другие устанавливали особые правила для избранных. Такой порядок позволил отдать наиболее привлекательные части бывшего государственного имущества тем, кто был в близких отношениях с новой политической элитой.

К чему привела бюрократическая приватизация

К становлению института частной собственности?

Зачатки частной собственности стали зарождаться в нашем обществе задолго до начала официальной приватизации. По-

следняя, будучи чисто организационным мероприятием централизованного перераспределения, не решала основной проблемы становления частной собственности как общественного института – обеспечения надежности, минимизации неопределенности в осуществлении соответствующих правомочий (Норт, 1997). В итоге общественно санкционированная беззащитность собственности существует и по сей день.

К созданию «массового слоя собственников»?

Однако подавляющая часть общества никакой собственности в итоге не получила. Самым эффективным средством вложения личного ваучера была его продажа. Вложение единичного (нескольких) ваучера в акции чужого предприятия или чековых инвестиционных фондов было равносильно выбрасыванию на ветер. Впоследствии что-то смогли получить работники отдельных приватизированных предприятий, акции которых усиленно скупали инофирмы. Прочие горе-акционеры остались при «фантиках».

К появлению «эффективного собственника»?

Необходимо понимать, что централизованное распределение не имеет никакого отношения к формированию эффективных экономических агентов, не говоря уже об абсолютной бессмысленности самого словосочетания «эффективный собственник» в условиях акционерной формы собственности (Шумпетер, 1982). Предпринимательская энергия россиян была отвлечена на участие в первоначальном присвоении государственного имущества. Развитие част-

ного предпринимательства происходило не благодаря, а вопреки кампании бюрократического передела.

К прекращению приватизации доходов от чужой собственности?

Все описанные нами ранее способы такого присвоения, начиная с выделения имущества в подконтрольное АО и заканчивая перекачиванием выручки предприятия-производителя в сбытовые фирмы, широко практикуются и поныне. Только теперь в роли обманываемого собственника выступает не государство, а миноритарные акционеры.

К необратимости рыночных преобразований?

Разорение большей части населения, падение производства и фактическое банкротство огромного числа предприятий не являются предпосылками безоблачного будущего. Приватизаторы гордятся тем, что официальная приватизация в России была осуществлена бескровно. Это правда. Однако история учит, что основная кровь проливается не в моменты завоевания власти, а в процессе ее удержания.

Чего действительно добились приватизаторы?

- вовлечения в процесс перераспределения огромной части государственного имущества;
- активизации участия директорского корпуса в переделе собственности;
- включения в процесс распорядительного присвоения еще одной группы участников – представителей новой бюрократической элиты и их уполномоченных лиц, получивших впоследствии название олигархов.

Лейзаж между битвами

Смена номинального собственника – преобразование государственных предприятий в акционерные общества и обмен розданных населению ваучеров на акции новорожденных АО – не привела к становлению частной собственности как общественного института. Реальными распорядителями всего и вся продолжали оставаться директора предприятий и ведающие всевозможными разрешениями и запрещениями чиновники. Акции, распыленные среди мелких держателей, не позволяли сколько-нибудь эффективно контролировать действия менеджмента. Безумная налоговая система загоняла в тень львиную долю доходов предприятий. Правда, существовала надежда, что – поскольку акции можно продавать и покупать – через некоторое время приобретатели крупных пакетов сравняются в весе с распределителями, а затем и укажут последним их настоящее место. Однако для того, чтобы это произошло, необходимо было выполнение одного очень важного условия: права акционеров должны были быть не просто декларированы законом, а реально защищены всей мощью государства.

К сожалению, данное условие не выполнялось. Отдельные примеры перехода власти на предприятиях к крупным акционерам ничего не доказывают. В девяти случаях из десяти поражение директоров было связано с тем, что в борьбе против одного распорядителя – директора собственники объединяли свои силы с другими распорядителями – региональными или федеральными чиновниками. Чаще всего объединенные против крупных акционеров силы

внутренней и внешней бюрократии одерживали убедительную победу.

Лучший способ защиты. Прошедшее десятилетие было периодом непрекращающегося передела собственности. Присвоение осуществлялось не столько на основе юридически правомочных действий, сколько под флагом политической кампании. Каждый мог взять себе ровно столько, сколько был в силах забрать у государства или других собственников. Полномочия распоряжения продолжали оставаться гораздо более важным фактором, чем титул собственности.

Экономика России находилась в состоянии глубочайшего системного кризиса. Опасность летального исхода усугубляли эпидемия неплатежей, злокачественная налоговая опухоль, пораженная вирусом иммунодефицита судебная система и паралич производства. Собственность в этих условиях представляла собой не столько набор возможностей, сколько пакет рисков. Новоявленный собственник должен был защищаться от рэкета проверяющих, регистрирующих и лицензирующих органов, самоуправства директоров, мошенничества партнеров, махинаций других акционеров и т.д.

Однако если предпринимателя (собственника) не защищает общество (государство, закон и т.п.), он волей-неволей начинает защищать себя сам. Наиболее эффективным способом защиты собственности стало приобретение всеми правдами и неправдами контрольного пакета участия (влияния), заключение пакта о сотрудничестве с местными и федеральными органами власти, назначение «своего», полностью подконтрольного директора, увод прибыли

за границу и возвращение части денежных средств в Россию через оффшорные фирмы. Таким вот образом, несмотря на все преграды, правомочия собственности реализовывались. Но реализовывались опосредованным образом: право на владение – через включение интересов бюрократии; право на распоряжение – через ущемление прав других акционеров; право на управление – через персональный контроль над руководителем; право на доход – через вывоз прибыли в страны, где собственность действительно защищена законом.

«Другая» частная собственность. На кардинальный вопрос: «Существует ли в России частная собственность?» – нельзя дать однозначного ответа. Как и государственная собственность при социализме, нынешняя российская частная собственность имеет свои весьма специфические особенности, в том числе неравенство экономических агентов, внеэкономическое принуждение, правовую незащищенность, отрицательный общественный имидж. С точки зрения классической западной теории все эти черты абсолютно несовместимы с институтом частной собственности (Скловский, 2000). Тем не менее нечто похожее на частную собственность у нас в стране существует, приумножается и становится вполне реальным сразу при пересечении границы и въезде в Россию.

В настоящее время в России сложилось несколько схем реализации экономической власти:

- 1) власть, основанная на контрольном участии в собственности;
- 2) власть, основанная на доступе к информации, финансовым ресурсам и распорядительным возможностям государства;

3) власть, основанная на распоряжении имуществом (управлении финансовыми потоками) государственных и полугосударственных предприятий, предприятий, не имеющих сильного мажоритарного собственника, а также предприятий, находящихся во внешнем управлении.

Идеологи и практики приватизации, признавая существующее положение дел, полагают, что две последние схемы являются временными, доставшимися нашему обществу в наследство от социалистического прошлого. По сути данная точка зрения ничем не отличается от весьма распространенной в советское время позиции академиков от экономики. Те тоже искренне верили, что все не вписывающиеся в их схемы явления реальной жизни представляют собой не более чем пережитки капитализма. На самом деле имеет место не постепенное отмирание бюрократической и усиление частной собственности, а процесс приспособления бюрократического института власти к новым экономическим и правовым реалиям. Власть, основанная на распорядительных возможностях, пытается найти точки равновесия во взаимодействии с частным присвоением.

Перманентный передел как характеристика института собственности

В условиях, когда гарантией частной собственности являются не законы, а возможности влияния, определяемые финансовыми ресурсами собственника, его связями и пробивными способностями, ощущение правовой незащищенности становится фа-

тальным. Надежды общества устремляются к государству.

Но государство не представляет собой беспристрастного арбитра, стоящего над схваткой и не имеющего других интересов, кроме достижения всеобщего благоденствия. Несмотря на отмену однопартийности, цензуры и безальтернативных выборов, российское государство как общественный институт не претерпело за последние годы коренных изменений. У нас до сих пор не существует реальной независимости различных ветвей власти, общественного контроля над деятельностью чиновников, равенства граждан перед законом и прочих атрибутов демократического общества. Государство, а вернее, его конкретное наполнение – бюрократия, потеряв бывшее ничем не ограниченное могущество, не изменилось в главном – претензии на роль вершителя судеб.

Правда, непосредственно распорядительные возможности бюрократии сузились до размера государственного бюджета. Зато остались раздача всевозможных льгот и привилегий, доступ к информации, разрешительный характер ведения отдельных видов бизнеса, управление задолженностью перед государством и т.п. Но самое главное, что сохранила бюрократия, – это рычаги внеэкономического принуждения: контрольно-карательные органы, слабое законодательство и ручные суды. Именно этот арсенал использует новая бюрократия для укрепления своих позиций в борьбе с распоясавшимися, по ее мнению, частными собственниками.

Налоговый рэкет. Массовые уклонения российских предпринимателей от уплаты немислимых налогов породили свое-

образную систему отношений бюрократии и бизнеса, озвученную когда-то советником первого президента в формулу: «делиться надо».

Существует расхожая точка зрения, согласно которой все российские предприниматели нарушают налоговое законодательство, а следовательно, у государства имеются вполне законные основания для изъятия собственности у ее владельцев. Это не так. Наиболее грамотные законов не нарушают. Они обходят законы и многочисленные инструкции, пользуясь имеющимися в них лазейками. А следовательно, привлечь намеченные жертвы к налоговой ответственности можно одним-единственным образом – доказать противоправный характер совершаемых ими сделок. В таких случаях применяется тактика «использования виноватых для наезда на неугодных».

Приведем несколько примеров того, как это делается.

На предприятии, которое когда-то возглавляла намеченная жертва, проводится налоговая проверка. Новому руководителю предлагается выбор: либо он сам привлекается к ответственности за действительно имеющиеся нарушения, либо соглашается, что от уплаты налогов уклонялся его предшественник. Или: налоговая проверка проводится на фирме – контрагенте предприятия, чьим руководителем является жертва. Директору опять предлагается выбор: признать собственные налоговые нарушения или подтвердить, что указанные ему сделки являются фиктивными...

Приведенные примеры взяты из жизни. Конечно, сами по себе они свидетельствуют только о недобросовестности отдельных налоговых чиновников. Но неограничен-

ные возможности карать и миловать предоставлены этим чиновникам действующим законодательством. И не только иезуитской налоговой системой, но и беспрецедентным Законом о налоговой полиции, практически отменяющим для последней обязанность подчиняться нормам Гражданского и Уголовно-процессуального кодексов.

Управляемое банкротство. Ускоренный характер приватизации привел не только к фантастическому обогащению причастных к ней лиц, но и к быстрому истощению объекта дележа. К середине 1997 г. стало очевидно, что значительная часть государственного имущества уже поделена, а аппетиты власть предержащих и их союзников удовлетворены не полностью. Выход был найден – банкротство. Но банкротство не как способ удовлетворения требований кредиторов, а как способ отстранения «неэффективных собственников» от управления их собственностью.

Действующий Закон РФ «О несостоятельности (банкротстве)» предоставляет кредиторам практически ничем не ограниченные возможности для возбуждения дел о банкротстве вполне жизнеспособных предприятий. Но возбуждение производства по делу отнюдь не означает, что имущество предприятия распродается, а требования кредиторов удовлетворяются. В большинстве случаев на предприятии просто вводится внешнее управление, т.е. все ресурсы предприятия передаются в распоряжение назначаемому арбитражным судом по предложению собрания кредиторов внешнему управляющему.

Откровенно дискриминационный характер обсуждаемого Закона давно уже стал притчей во языцех. Однако не менее

важными являются наблюдающиеся в последнее время тенденции его трактования и исправления. Они заключаются в усилении влияния чиновников и использовании задолженности перед федеральным и региональными бюджетами в интересах частных структур. Если раньше имуществом и ресурсами предприятия-должника распоряжались, как правило, представители его крупных частных кредиторов, то теперь все чаще и чаще этим занимаются специальные фирмы, «представляющие интересы» государства. Это создает поистине уникальные возможности для использования Закона в частных интересах государственных чиновников.

Выборочный пересмотр итогов приватизации. Несмотря на то что налоговые наезды и банкротство используются для передела собственности уже достаточно давно, наиболее политизированная часть общества больше всего озабочена проблемой пересмотра итогов приватизации.

Как и в случае с налогами, в общественное сознание настойчиво внедряется мысль, что любую приватизационную сделку можно оспорить. Вообще говоря, это не так. Огромное количество бывших государственных предприятий приватизировалось в полном соответствии с действовавшими в то время нормативными актами: указами, постановлениями, распоряжениями. Однако если пересмотр приватизационных сделок действительно начнется, под удар может попасть достаточно большое число новых собственников.

Прежде всего это относится к собственникам предприятий, приватизированных по законодательству СССР. До начала 1992 г. большинство союзных предприятий пред-

почитало жить не по российским, а по союзным законам. Они продолжали заключать договоры аренды, выкупа имущества и учреждения новых АО со своими министерствами и концернами. В результате такие приватизационные сделки, противоречащие Закону РСФСР «Об обеспечении экономической основы суверенитета РСФСР» от 31 октября 1990 г., в настоящее время могут быть оспорены и уже начали оспариваться в суде.

Еще одно направление пересмотра – оспаривание в суде приватизационных сделок, заключенных на основе договоров аренды. Поводом может быть отсутствие своевременной перерегистрации государственного предприятия в арендное, заключение договора аренды с правом выкупа после вступления в действие Закона РСФСР «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР», учреждение закрытого акционерного общества и т.д.

Находятся под угрозой и права собственности на пакеты акций, первоначальная продажа которых осуществлялась на инвестиционных конкурсах. Как известно, в девяти случаях из десяти инвестиционные программы либо не были реализованы вообще, либо их реализация носила фиктивный характер. Напрашиваются на обвинения в фиктивном характере и залоговые сделки. Вызывают сомнения эксперименты с уменьшением доли государства в уставных капиталах многочисленных АО.

Несмотря на многочисленные заявления представителей различных ветвей власти, пересмотр приватизационных сделок уже начался. Благо суды у нас традиционно пребывают по отношению к власти в одной

и той же позиции. Но это не означает, что пересмотр итогов приватизации будет иметь массовый характер. Скорее всего, бюрократия станет использовать данный способ давления на собственников выборочно. Существование потенциальной угрозы – веский аргумент для принятия предложения, от которого нельзя отказаться.

Уголовные преследования. Выделение уголовных преследований в отдельное направление передела собственности и власти достаточно условно. В девяти случаях из десяти для возбуждения уголовных дел используются экономические статьи УК: уклонение от уплаты налогов или таможенных платежей, незаконное предпринимательство, преднамеренное или фиктивное банкротство и т.п. Но поскольку в последнее время в интересующих нас целях начали использоваться и обвинения неугодных предпринимателей в организации убийств, участии в преступных группах и т.п., то можно говорить о некоторой новой тенденции. Средства массовой информации обычно трактуют ее как наступление правоохранительных органов на бизнес. Но известные всем примеры свидетельствуют об ином: предпринимателей «заказывают» их конкуренты. Правда, отдельные представители этих конкурентов являются «по совместительству» государственными чиновниками.

События последних полутора-двух лет однозначно свидетельствуют о начале нового этапа бюрократического передела собственности и власти. Самое поразительное при этом заключается в том, что большая часть общества воспринимает такое «усиление роли государства» как несомненное благо, ожидая что «усилия» чи-

новников будут наконец направлены на защиту частной собственности и честных предпринимателей.

О роли государства

Начиная с середины 1980-х годов в экономике нашей страны наблюдается борьба двух тенденций:

становление свободного товарообмена, зарождение отношений частной собственности, развитие конкуренции и предпринимательской инициативы;

вмешательство бюрократии в отношении между экономическими агентами в целях построения «эффективной рыночной экономики».

Было бы неправильно объяснять вторую тенденцию исключительно злой волей чиновников. Вмешательство государства всегда опирается на благие намерения – наведение порядка, прекращение воровства, защита слабых и т.п. Но оно всегда ведет к нарушению равенства экономических агентов, ограничению их свободы, очередному бюрократическому переделу собственности и власти.

Сказанное не означает, что необходимо смириться с криминализацией экономики, самоуправством региональных и отраслевых «феодалов», финансовым иммунитетом «равноудаленных» от власти олигархов. Ожидание, когда дикий капитализм периода первоначального накопления сам собой перерастет в свободный рынок, может плохо закончиться не только для власти, но и для страны в целом. Однако все эти издержки «свободного предпринимательства» не являются основани-

ем для вмешательства чиновников в отношения между экономическими агентами. У концепции «повышения управляемости» существует разумная альтернатива – «балансирующее взаимодействие». Возможности реализации интересов и привилегий одних могут ограничиваться не только бюрократическим контролем, но и возможностями и привилегиями других. И здесь возникает самый главный вопрос: что мешает строить в нашей стране такую экономическую систему?

Самый очевидный ответ – интересы сменяющих друг друга, но по своей сути неизменных политических элит. Ведь правильно построенные процедуры взаимодействия ограничивают не только бесконтрольное распоряжение чужим имуществом, но и всевластие чиновников. А этого уже никто из власть имущих допустить не может.

Но проблема, безусловно, шире. К равенству всех экономических агентов, защите прав собственности и ограничению всевластия чиновников не готова не только слегка перелицованная политическая элита, но и прежде всего подавляющая часть общества. Одураченная всеобщим дележом совместного имущества, обернувшись в итоге беспрецедентным падением общественного производства и как следствие резким снижением уровня жизни большинства населения, страна ищет виновных и находит их в лице новых собственников. Проблема, как всегда, видится не в том, чтобы больше производить, а в том, чтобы лучше распределять. Власти даже не нужно искать объединяющую общество идею. Старая, как мир, она буквально витает в воздухе – «грабь награбленное!».

Вместо послесловия

Самая большая беда России заключается в готовности наших элит на любые жертвы ради стремления к постоянно меняющимся «идеалам». Пренебрежение к собственности как к чужому праву странным образом уживается у нас с фетишизацией собственности как «отношения к средствам производства». И верные российские последователи Маркса, и его непримиримые оппоненты сходятся в главном. Форма собственности по-прежнему воспринимается и теми и другими как несущая конструкция, определяющая все иные отношения между экономическими агентами.

Проблема не в том, что после 70 лет воспевания коллективной собственности на средства производства мы с тем же энтузиазмом возлагаем все свои надежды на развитие частной собственности, а в том, что фетишизация отношений собственности совмещается у нас с полным пренебрежением к содержанию этих отношений. Под общественной собственностью мы понимаем коллективное владение, под государственной – монополию на средства производства и природные ресурсы, под частной – фиктивную (акционерную) собственность.

Но как при советской власти у нас была *другая общественная собственность*, так сейчас – *другая частная*. Основными особенностями этой другой частной собственности являются ограниченность и опосредованность полномочий собственников, а также неравенство экономических агентов. Если в классическом, римском понимании право собственности есть наиболее полное и исключительное господство над вещью

(Хвостов, 1919), то у нас право собственности представляет собой не более чем набор возможностей, не подкрепленных реальными ограничениями на действия в отношении объекта собственности со стороны третьих лиц. В терминах римского права собственность – это бастион, защищающий интересы собственника от всех посягательств извне. Собственность в России – это нечто, нуждающееся в защите от недобросовестных чиновников, менеджеров, кредиторов, других акционеров и т.д.

Постоянные призывы к усилению роли государства в экономике основаны на ущербной логике. Необходимость защиты интересов государства как собственника не является основанием для ущемления прав других экономических агентов. Наш рынок отвратителен не потому, что государство отстранилось от вмешательства в экономи-

ку, а потому, что вмешательство это осуществляется в интересах не государства, а его уполномоченных лиц. В этих условиях любые попытки «наведения порядка» приводят в итоге к сведению счетов с нелояльными к тому или иному чиновнику предпринимателями.

И последнее замечание. Обществу отвратительны нувориши, сделавшие себе состояние на близости к власти, трубе, СМИ и т.д. Но вдвойне отвратительно спекулирование на чувствах люмпенизированного населения для очередного передела собственности. Мы постоянно пытаемся «вернуть время», начать с чистого листа. Мы готовы защищать права собственности, но не сегодня, а завтра. Мы хотим «других собственников». Мы хотим еще раз переделить все по-честному.

По-честному не получится.

Литература

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч. Т.3. М.: Политиздат, 1976.

Политическая экономия: Учеб. пособие // Под общ. ред. Г.А. Козлова. М.: Мысль, 1974.

Приватизация по-русски / Под ред. А. Чубайса. М.: Вагриус, 1999.

Клейнер Г.Б. Современная экономика России как «экономика физических лиц» // Вопросы экономики. 1996. №4.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «НАЧАЛА», 1997.

Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982.

Скловский К. Собственность в гражданском праве. М.: Дело, 2000.

Хвостов В.М. История римского права. Московское научное издательство, 1919.